

Мгновение...затем второе... третье...

В зале, где ещё недавно звучали торжественные заклинания и шелестили печати, теперь царил мёртвая тишина — такая глубокая, что казалось, даже воздух замер в ожидании чуда. Единственным звуком был отголосок голоса Чи Юйфэна, повисшего под сводами каменного храма, как последний звон колокола перед грозой. Лампа, высоко поднятая над головой, оставалась неподвижной ... без света, без колебаний, без малейшего признака силы.

«Неужели очищение духа не сработало?»

Старший старейшина осторожно склонил голову, будто боялся нарушить напряжённую тишину:

— Глава Павильона... возможно, поза призыва была неверной?

Поза? Какая поза? Чи Юйфэн на мгновение растерялся, но прежде чем он успел осмыслить вопрос, над круглым бассейном в центре зала возник призрачный облик.

Из пустоты появился Цзян Синчжи.

Его образ был высечен из лунного света: кожа — словно нефрит, глаза — ясные, как утреннее небо, а вокруг него струилось давление, которое нельзя было назвать просто силой — это было божественное присутствие, древнее и всевластное. Он смотрел вниз, как бог на смертных, и прежде чем кто-либо успел заговорить, его голос раздался из ниоткуда, холодный, как лёд в горах Панши:

— Кланяйся.

Тхуд!

Колени Чи Юйфэна подогнулись сами собой. Он упал на каменный пол, как сломанный тростник, и теперь стоял на коленях перед собственной сектой, перед своими старейшинами, перед своим планом, который внезапно обернулся против него.

Зал замер.

Ни один из старейшин не произнёс ни слова. Они смотрели на своего главу, который только что держал в руках символ власти, а теперь склонил голову перед тем, кого считал покорённым.

Чи Юйфэн почувствовал, как кровь приливает к лицу, как стыд жжёт изнутри. Но прежде чем он успел подняться, голос снова прозвучал:

— Поза неверна. Божественная сила не пробуждается.

Он стиснул зубы. Гордость кипела, но страх был сильнее. Медленно, с униженной решимостью, он снова опустился на колени перед образом Цзян Синчжи, высоко поднял хрустальную лампу и, изо всех сил стараясь сохранить хотя бы видимость контроля, выкрикнул:

— Владыка Лампы! Яви свою силу!

Цзян Синчжи чуть склонил голову, как будто милостиво одобряя просьбу раба:

— Хорошо.

С этими словами он резко взмахнул рукавом.

Из его ладони хлынула мощная волна истинной сути, и в тот же миг в герметично закрытом зале поднялся ураган.

Ветер, рождённый из ничего, ворвался со всех сторон, распахнул одежды, заставил флаги трепетать, а свечи на обеих сторонах зала мгновенно погасли, словно задутые дыханием демона. Столбы задрожали, пыль с потолка посыпалась, как снег в летнюю ночь.

Чи Юйфэн не мог сдержать ликования. Он вскочил на ноги, всё ещё сжимая лампу, и громко рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Я сделал это! Я подчинил себе Владыку Лампы!

Старейшины поспешили окружить его, склоняя головы:

— Поздравляем Главу Павильона! Вы наконец-то подчинили древнего духа!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — смех Чи Юйфэна эхом отражался от стен, но чем громче он становился, тем сильнее ветер внутри зала выходил из-под контроля.

Порывы стали режущими, как клинки, и уже начали оставлять трещины на каменных столбах. Один из светильников перевернулся, другой — разбился об пол. Фонарь, стоявший у стены, взлетел в воздух и рухнул с грохотом, мерцающие в слабом свете осколки разлетелись по всей комнате.

Второй старейшина осторожно шагнул вперёд:

— Глава Павильона... может быть, хватит? Довольно демонстрации силы...

Чи Юйфэн кивнул и, всё ещё сияя от радости, поднял лампу:

— Отступи.

Он произнёс это повелительно, как хозяин, командующий слугой.

Но ветер не стих, а наоборот стал сильнее.

Цзян Синчжи, всё ещё парящий в воздухе, едва заметно улыбнулся и снова взмахнул рукой.

Мощная сила схватила Второго старейшину за плечи и подбросила его в воздух, как куклу. Он сделал полный оборот, руки и ноги беспомощно болтались, и с глухим плюх рухнул на пол, оглушённый, но живой.

Улыбка Чи Юйфэна исчезла.

— Что происходит?! — выкрикнул он, указывая лампой прямо на призрачный образ Цзян Синчжи. — Отступи! Я приказываю тебе!

Цзян Синчжи даже не взглянул на него.

Просто снова взмахнул рукой.

На этот раз удар пришёлся по Третьему старейшине. Его сорвало с места, и он, как мешок, врезался в Чи Юйфэна. Бам!

Оба упали. Третий старейшина потерял сознание от удара о защитное поле, созданное рефлекторно самим Главой Павильона, а Чи Юйфэн откатился назад, лампа выпала из его рук, но он тут же схватил её снова, дрожащими пальцами.

Второй старейшина, стоя в углу, прошептал с ужасом:

— Владыка Лампы... вышел из-под контроля...

Чи Юйфэн почувствовал, как страх, настоящий, первобытный страх, проникает в кости.

— Как такое возможно?! — закричал он, глядя то на лампу, то на призрак, будто пытаюсь понять, кто здесь хозяин, а кто игрушка.

И тогда, с дрожью в руках и унижением в сердце, он вновь опустился на колени. На этот раз не

для ритуала, а потому что не было другого выбора.

Он поднял лампу обеими руками.

— Отступи... отступи... отступи... отступи... — Взмолился он.

Слова падали в тишину, как капли крови на снег.

А на своём светильнике, в тени стены, Чжун Мин молча наблюдал за всем этим. Его взгляд на Чи Юйфэна был полон хладнокровного презрения.

Глупец.

Он видел, как Цзян Синчжи наслаждается каждым мгновением, как он управляет игрой, как дирижёр — симфонией хаоса. И потому не двинулся с места.

Пусть продолжает.

Лучше не мешать тому, кто получает удовольствие от своей игры.

Грохот падающих предметов смешался с испуганными возгласами, и хаос охватил зал, как пламя, вспыхнувшее в сухом лесу. Вихри ветра кружили обрывки бумаги, рвали свитки, опрокидывали статуи предков, а посреди этого безумия над круглым бассейном парил Цзян Синчжи, словно владыка урагана, его руки двигались легко, почти игриво, и каждый взмах порождал новый порыв — радостный, безжалостный, как детская шалость бога: Вжух~

Дуй-дуй, моя гордая прихоть.

Он наслаждался этим зрелищем — падающими старейшинами, перекошенными лицами, их беспомощностью, будто они не великие мастера Павильона Циньфэну, а мыши в клетке, трясущиеся перед кошкой. И чем сильнее становилась буря, тем ярче светился его взгляд, пока в этот момент кто-то, задыхаясь от страха, выкрикнул:

— Глава Павильона! Используйте кровь феникса!

Чи Юйфэн внезапно пришёл в себя.

Лампа выпала из его рук, он бросился к столу, хватанул нефритовый сосуд, сжал его дрожащими пальцами и, тяжело дыша, поднял его перед образом Цзян Синчжи:

— Я повелеваю тебе прекратить!

Горлышко сосуда было направлено прямо в центр призрачного существа.

И в этот миг Цзян Синчжи заметил, что внутри лежит всё та же капля воска, окрашенная в цвет крови, с тонкой нитью его собственной ци.

«Как мило, — подумал он. — «Они даже не проверили.»

Он медленно опустил руку.

В одно мгновение ветер стих.

Тишина, после такой бури, казалась ещё глуше, чем раньше.

Увидев, что «кровь феникса» подействовала, Чи Юйфэн выдохнул, его плечи опустились, лицо побледнело, но глаза вспыхнули триумфом.

— Фы... — вырвалось у него, полусмех, полурыдание. — Ха... Да что с тобой может быть не так? Перед моей кровью феникса ты можешь только склониться.

Старейшины, ещё дрожащие, начали приходить в себя. Один поправил одежду, другой огляделся, пытаясь понять, где он потерял свой жезл. Третий поднял руку, чтобы активировать световые печати, и постепенно зал снова наполнился мягким светом, но теперь это был не торжественный свет, а мерцающий, неуверенный, освещавший разруху: перевёрнутые столы, осколки фарфора, мокрые следы от воды, пролитой из бассейна.

— Глава Павильона, Вы так могущественны! — воскликнул один из старейшин, голос его дрожал, но в нём уже слышалась надежда.

— На мой взгляд, — добавил другой, — просто нужно немного дисциплины...

Он не успел закончить.

Сосуд с «кровью феникса» внезапно вырвался из руки Чи Юйфэна, будто живой, взмыл в воздух и с глухим бах врезался ему прямо в лоб.

Тишина.

Абсолютная.

— .....

— Глава Павильона! Вы в порядке?! — вскрикнул кто-то.

Чи Юйфэн стоял, оцепенев. Голова закружилась, перед глазами вспыхнули звёзды, во рту разливался сладковатый привкус крови. Он не понимал, что пошло не так. Кровь феникса должна была подчинить духа. А вместо этого... его ударили его же собственной святыней.

Ярость вспыхнула в сердце, как молния, кровь прилила к голове, зрение затемнилось.

И с глухим тхунд он рухнул на каменный пол, без сознания.

Зал мгновенно погрузился в панику.

Наиболее робкий из всех Второй старейшина уже почти лишился рассудка, шептал, дрожа всем телом:

— Это... это одержимость... формация дала сбой... древние артефакты... они не для нас... не для смертных...

Старший старейшина, обычно невозмутимый, тоже побледнел:

— Быстро! Уходим! Несите Главу Павильона и Третьего старейшину!

Они бросились к телам, подхватили их, спотыкались, сталкивались друг с другом, но уже не обращали внимания.

Хрустальная лампа осталась в центре бассейна — пустая, спокойная, будто ничего и не произошло.

Старший старейшина волок Чи Юйфэна, другие подняли безвольное тело Третьего, и вся группа, охваченная ужасом, бежала прочь из зала, оставляя за собой следы крови, воды и разрушения.

Двери захлопнулись.

***

После того как все покинули зал, Цзян Синчжи, закончив своё представление, вернулся в человеческий облик и спустился с каменной платформы бассейна. Он покачал головой, словно уставший артист после долгого выступления:

— Вот я и говорю: зачем было напрашиваться? Если не лезешь на смерть — она сама не

приходит.

Чжун Мин мягко приземлился рядом, чёрные одежды едва шевельнулись в затихшем воздухе:

— Ты с ним слишком мягок.

— Ещё пригодится, — ответил Цзян Синчжи, подбирая из-под обломков хрустальную лампу.

Выражение «ещё пригодится» прозвучало снова и в памяти Чжун Мина мелькнул тот вечер у реки в городе Сюньян, когда они впервые заговорили о будущем, о планах, о том, кого можно «подрезать». Теперь он понял: тогда они посеяли семена. А сегодня собрали первый урожай лука.

Он старался не думать о том, что ждёт Павильон Циньфэну впереди.

Цзян Синчжи тем временем внимательно осмотрел лампу, поворачивая её в руках. Она блестела, словно покрытая глазурью, отражая свет даже в полумраке разгромленного зала.

— Как и следовало ожидать от предмета, прошедшего очищение столетним кровавым линчжи, — произнёс он с одобрением. — Блестит, как новенькая.

— Действительно, — заметил Чжун Мин, — выглядит здоровее тебя.

Цзян Синчжи замолчал. На лице его появилось выражение, смешанное из удивления и тихого возмущения.

— Брат Бай, — спросил он искренне, глядя прямо в глаза, — а тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты невыносим, когда разговариваешь?

Чжун Мин не рассердился. Наоборот, уголки его губ чуть приподнялись. Он посмотрел на Цзян Синчжи сверху вниз, и в этом взгляде, обычно холодном и недоступном, промелькнула редкая мягкость.

— Да, — сказал он тихо. — Раньше я часто раздражал одного человека.

Он редко улыбался так. Не с насмешкой, не с иронией, а с нежностью, почти с теплом. И хотя это выражение исчезло через мгновение, его хватило, чтобы сердце Цзян Синчжи на миг замерло.

Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

«Похоже, брат Бай снова вспомнил того, кого любил...»

***

В Павильоне Циньфэну было много ресурсов, и поскольку потерял сознание сам Глава Павильона, были вызваны лучшие врачи и применены высшие духовные лекарства, так что вскоре Чи Юйфэн пришёл в себя.

Едва открыв глаза, он потребовал немедленно вернуться в большой зал, и никто не мог его удержать.

Он не мог принять, что после всех усилий, после стольких лет подготовки, после того как он, казалось, наконец завладел силой древнего духа ... всё оказалось напрасно.

Группа сопровождала его обратно в зал.

Как только они переступили порог, их взору предстал Цзян Синчжи, стоящий среди руин.

Он был спокоен. В руках он держал хрустальную лампу, будто алтарный сосуд. Одежды его не были помяты, волосы не растрепаны. Он стоял среди хаоса, будто не касаясь пыли, величественный, как дракон, восходящий к небесам, как феникс, расправляющий крылья над пеплом.

А позади него, в тени колонны, стоял чёрный силуэт.

Чжун Мин поднял глаза и давление, которое он испускал, не было грубой силой. Оно было невидимым, как тень скалы, но каждый, кто чувствовал истинную суть, понимал, что перед ним стоит не просто мастер.

Перед ним — равный богам.

Чи Юйфэна снова почувствовал сладковатый привкус в горле. Сердце сжалось, как сжимается плод под ледяным ветром.

— Что здесь произошло? — С искреннем недоумением обратился Цзян Синчжи к вошедшим.

Чи Юйфэн теперь инстинктивно боялся его. Каждое движение, каждый взгляд вызывали в нём дрожь.

— Владыка Лампы... — прошептал он дрожащим голосом. — Вы... не помните, что только что случилось?

Цзян Синчжи слабо прижал пальцы к вискам, сделал шаг назад и споткнулся.

Рука Чжун Мина тут же подхватила его, поддерживая за локоть.

— Не могу вспомнить... — пробормотал он, закрывая глаза. — Голова... страшно болит, Ацзо...

Чжун Мин хотел что-то сказать, но сдержался, только крепче сжимая его руку.

Чи Юйфэн смотрел на эту сцену — на хрупкого, шатающегося, как ива под ветром, Цзян Синчжи, на его бледное лицо, на то, как заботливо его поддерживает Бай Му, и почувствовал, как внутри всё кипит. Удар на лбу пульсировал болью, зубы скрипели.

— Тогда... — процедил он сквозь сжатые челюсти. — Что вы помните?

Цзян Синчжи продолжал играть. Он задумался, словно пытаясь восстановить обрывки сна.

— Кажется... мне приснился кошмар, — произнёс он тихо. — Очень страшный.

Ирония была в том, что, возможно, благодаря поглощённой крови феникса, он сейчас сиял здоровьем. Он выглядел так, будто только что вышел из бани, наполненной благовониями и целебными травами.

А вот его грязные, растрёпанные, с лицами, искажёнными страхом и усталостью зрители больше походили на тех, кто действительно пережил кошмар.

Губы Чи Юйфэна побелели.

Он дрожал.

— Во сне... — продолжил Цзян Синчжи, будто вспоминая, — этот господин чуть не сравнял этот каменный зал с землёй. Даже кровь феникса вышла из-под контроля... и начала атаковать без причины.

Он замолчал, словно погрузился в воспоминания. А потом внезапно поморщившись от боли, как будто образы вернулись, резко взмахнул рукой.

Порыв ветра, мощный и неожиданный, ударил прямо в грудь Чи Юйфэна. Он даже не успел защититься.

Его отбросило назад, и он рухнув на пол, покатился по камню, лишь чудом не вылетев за порог зала.

<http://bllate.org/book/15487/1373259>